

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Одоевский

Новый год

«Public Domain»

1831

Одоевский В. Ф.

Новый год / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1831

"Что может быть любопытного в жизни человека, который на сем свете ровно ничего не делал! Я чувствовал, я страдал, я думал за других, о других и для других. Пишу свои записки, перечитываю и не нахожу в них только одного: самого себя..."

Содержание

Действие I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Владимир Федорович Одоевский

Новый год

(Из записок ленивца)

«Если записывать каждый день своей жизни, то чья жизнь не будет любопытна?» – сказал кто-то.

На это я мог бы очень смело отвечать: «Моя». Что может быть любопытного в жизни человека, который на сем свете ровно ничего не делал! Я чувствовался страдал, я думал за других, о других и для других. Пишу свои записки, перечитываю и не нахожу в них только одного: самого себя. Такое самоотвержение с моей стороны должно расположить читателей в мою пользу; увидим, ошибся ли я в своем расчете; вот несколько дней немоей жизни; если они вам не слишком наскучат, то расскажу и про другие.

Действие I

– Вина! вина! наливай скорее; уже без пяти минут двенадцать.

– Неправда, еще целых полчаса осталось до Нового года... – отвечал Вячеслав, показывая с гордостью на свои деревянные часы с розанами на циферблате и чугунными гириями.

– Это по твоим часам: они всегда целым часом отстают!..

– Зато они иногда двумя часами бегут вперед; оно на то же и наведет, заметил записной насмешник.

– Неправда, они очень верны, – возразил Вячеслав с досадою, – я их каждый день поверяю по городским...

– Сколько ему гордости придадут его часы! – продолжал насмешник. – Купил у носящего за целковый, повесил на стену, смотрите, точно гостиная...

– Неправда, они куплены у часовщика, и за них заплачено двадцать пять рублей...

– Объявляю вам, господа, что от этой славной покупки у нас будет сегодня двумя бутылками меньше...

Так мы кричали, шумели, спорили и болтали всякий вздор накануне Нового года в маленькой комнатке Вячеслава в третьем этаже. Нас было человек двенадцать – все мы только что вышли из университета. Вячеслав был немногим богаче всех нас, но как-то щеголеватее и к тому же большой мастер устраивать в своей комнате и хозяйничать; например, у Вячеслава сверх табака водились всегда сыр и так называемое вино из ренского погреба¹; в комнате, вместо классической железной кровати студента с байковым одеялом, стоял диван, обтянутый полосатой холстинкою; на этом диване лежали кожаные подушки, с которых на день снимались наволочки; возле дивана был растянута сплетенный из покровок ковер, отчего диван получал вид роскошного оттомана; книги лежали не на полу, по общему обыкновению, но на доске, прибитой к стене под коленкоровой занавеской; не только был стол для письма, но и еще другой стол особенно, хотя и без ящика; над единственным окошком висел кусок полотна; даже были вольтеровские кресла; наконец, знаменитые часы гордо размахивали маятником и довершали убранство комнаты.

Такое пышное устройство возбуждало всеобщую зависть и всеобщее удивление и с тем вместе было причиною, почему квартира Вячеслава была всегда местом наших собраний. – Так было и сегодня. За месяц еще Вячеслав преважно пригласил нас встретить у него Новый год, обещая даже сделать жженку. Разумеется, отказа не было. Мы знали, что он уже давно хлопочет о приготовлениях, что заказан пирог и что, сверх обыкновенного его так называемого вина, будет, по крайней мере, три бутылки шампанского!

После смеха и шума, к 12-ти часам все пришло в порядок.

Как мы все уселись на трех квадратных сажнях, я теперь уж не понимаю, только всем было место: кому на диване, кому на окошке, кому на столе, кому на полке; на одних вольтеровских креслах сидели, мне кажется, три человека! – Вот на столе уже уставлены огромный пирог, огромный сыр, бутылки и, разумеется, череп – для того, чтоб наше пиршество больше приближалось к лукуллову². Двенадцать трубок закурились в торжественном молчании; но едва деревянные часы продребезжали полночь, мы чокнулись стаканами и прокричали «ура» Новому году. Правда, шампанское было немножко тепло, а горячий пирог был немножко холоден, но этого никто не заметил. Беседа была веселая. Мы только что вырвались из школь-

¹ *Ренсковый погреб* – магазин, торгующий виноградными винами; ренское – всемирно известное вино, выделяемое из винограда, выращиваемого на среднем течении Рейна.

² *Лукулл Луций Лициний* (ок. 117 – ок. 56 до н. э.) – римский полководец, богатый человек, оставил по себе память как усмотритель отличавшихся необычайной роскошью пиров. *Череп* – символ бренности земной жизни.

ного заточения, мы только что вступали в свет: широкая дорога открывалась пред нами – простор молодому воображению. Сколько планов, сколько мечтаний, сколько самонадеянности и – сколько благородства! Счастливое время!

Где ты?..

К тому же мы были люди важные: мы уже имели наслаждение видеть себя в печати – наслаждение, в первый раз неизъяснимое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.